Благодаря данным табл. 1 построена диаграмма (рис. 1), наглядно представляющая показатели соотношения лексико-семантических примеров в изученном материале.

Подводя итоги проведенного исследования, мы убедились в том, что изученный материал изобилует различными художественными приёмами, тем самым обогащая текст произведения всевозможными смыслами и содержаниями. Читатели могут абсолютно по-разному интерпретировать слова, словосочетания и извлекать из них разные значения согласно их индивидуальной картины мира.

В заключении отметим, что в перспективе планируется продолжение сравнительно-сопоставительных исследований различных жанров произведений художественной литературы на разных языках на предмет выявления трудностей в понимании содержательных и смысловых сторон текстов и предложения способов их преодоления.

1. Аксютенкова Л.Г., Беседина Н.В., Семенова С.Н. Классификация метафор (на примере повести Э. Сетона «Лобо» на английском и русском языках) // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 5–15.
2. Лунькова Л.Н., Павлова М.С. Когнитивный аспект перевода метафоры на материале романа Дж. Барнса «Как все было» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. М.: из-во РУДН, 2018. Т.9. №4. С. 904–910. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-904-910.
3. Семенова С.Н. Имплицитность косвенных высказываний (на материале художественных текстов американских и английских авторов) // Известия Южного Федерального Университета. Филологические науки. Ростов н/Д: ЮФУ, 2015. №4. С.140–144. doi: 10.18522/1995-0640-2015-140-144.
4. Семенова С.Н. Тезаурус жанра рассказ как произведения художественной литературы (на материале рассказов Дж. Лондона «Безмолвие» и «Сын Волка» на английском, армянском и русском языках) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Москва: ИНОИЦ «АЛМАБЕСТ», 2017. № 2. С. 28–37.
5. [Электронный ресурс]. URL: http://language-secrets.ru/keesh/keesh_1.php (дата обращения: 14.01.2021).
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Магомедов Д.М.

Синтаксические свойства подлежащего в аварском языке

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

(Россия, Махачкала)

doi: 10.18411/lj-02-2021-259

idsp: ljjournal-02-2021-259

Аннотация

Синтаксическая сущность главных членов предложения может быть определена лишь в рамках синтаксической корреляции. Подлежащее в аварском языке входит в предикативную основу, хотя не является носителем предикативности. Его участие в оформлении предикативной основы состоит в том, что оно координируется с глаголом-сказуемым в классе и числе. Классный глагол относится в структуре предложения к имени в номинативе. Подлежащим в аварском языке может быть только имя в номинативе.

Ключевые слова: подлежащее, эргативная конструкция предложения, синтаксис, классный показатель, число, дополнение, сказуемое.

Abstract

The syntactic essence of the main members of a sentence can be determined only within the framework of syntactic correlation. The subject in the Avar language is included in the predicative basis, although it is not the carrier of the predicative. Its participation in the design of the predicative stem is that it is coordinated with the predicate verb in the class and number. A cool verb refers to a nominative name in a sentence structure. Only a name in the nominative can be a subject in the Avar language.

Keywords: subject, ergative sentence construction, syntax, class indicator, number, addition, predicate.

Проблема определения главных членов предложения в дагестанских языках важное теоретическое и практическое значение. Грамматические связи и семантические отношения главных членов определяют в целом семантику и структуру предложения.

Традиционно в дагестанских языках придерживаются концепции трехчленности предикативного ядра предложения, которое составляют подлежащее, сказуемое и прямое дополнение.

В предложении непереходной семантики в роли подлежащего выступает имя, которое имеет субъектное значение и употребляется в соответствующей позиции. Например, в аварском языке:

- существительное: *Вас рохьове унев вуго* «**Мальчик** идет в лес». *Глазу балеб буго* «Идет **снег**»;
- местоимение: *Дун метер росулье унев вуго* «**Я** завтра еду в селение». *Дов вуго нижер росуль бишун херав чи* «**Он** самый старый человек в нашем селении»;
- числительное: *Клигоял рачIана нижеда аскIоре* «**Двое** подошли к нам». *Цояв кватIун вачIана* «**Один** пришел с опозданием»;
- субстантивированное прилагательное или причастие: *ГьитIунав жеги школалде унев гьечIо* «**Младший** еще в школу не ходит». *Араб батулари, тараб цолари* (Погов.) «**Ушедшее** не найдешь, **оставленное** не получишь» и т. д.

В дагестанских языках в качестве подлежащего выделяются падежные словоформы, выражающие значение субъекта действия, поэтому число соответствующих конструкций предложения, например, в аварском языке возрастает до пяти: эргативная, номинативная, дативная, генитивная и локативная.

Как правило, в кавказских языках используются разные падежи подлежащего (эргатив, номинатив, датив, посессив, локатив).

В аварском языке падежная форма подлежащего в трехсоставном предложении зависит от лексико-семантической характеристики глагола-сказуемого. Например, эргативный падеж маркирует подлежащее при переходном глаголе. Дательным падежом оформляется подлежащее при глаголах *рихине* «ненавидеть», *бокьизе* «любить, хотеть». Например: *Льималазе бокьула жидерго ВатIан* «Дети любят свою Родину». В предложении же с глаголом-сказуемым, обозначающим чувственное восприятие (*лъазе* «знать», *батизе* «находить», *бихьизе* «видеть», *ракIалде швезе* «вспомнить», *бичIчIизе* «понимать», *кIочене* «забывать», *рагIизе* «слышать» и др.) подлежащее оформляется локативным падежом I серии на -да. Например: *Палатаялгул гордухъанги валагъун цивасда бихьулаан кIибетIераб даим глаздалаб Эльбрус* (Расул Хамзатов) «Посмотрев в окно палаты, каждый видел двуглавый вечно снежный Эльбрус».

В аварском языке грамматическую независимость подлежащего в номинативе можно показать на конкретном примере: *Васас матIу бекана* «Мальчик сломал зеркало». В нем глагол переходной семантики *бекана* координирует в классе и числе с

именем существительным в номинативе *matIy*. Имя в эргативном падеже *vasas* не координируется с глаголом-сказуемым, поэтому подлежащим в данном предложении является имя существительное в номинативном падеже *matIy*, которое имеет координацию с глаголом.

При решении вопроса о принадлежности к подлежащему одного из именных членов предложения, необходимо определить вопрос о том, выступает ли имя в номинативе организующим центром предложения и координируется ли оно с глаголом-сказуемым.

Имя в эргативном падеже в аварском языке координируется в классе и числе с глаголом-сказуемым, поэтому оно не выступает организующим центром предложения.

В аварском языке до сих пор нет единого мнения относительно статуса главных членов предложения, способов их выражения и определения грамматических связей между ними. И.И. Мещанинов выделял в аварском языке пять различных конструкций предложения, в которых подлежащее оформлено разными падежными формами. Например: *vaц рокъове вуссана* «брат домой вернулся» (подлежащее *vaц* в номинативе), *vaцас хур бекъана* «брат поле пахал» (подлежащее *vaцас* в эргативе), *vaцасе жиндирго лъимер бокъула* «брат любит своего ребенка» (подлежащее *vaцасе* в дативе), *vaцасда жиндирго вас вихъана* «брат видел своего сына» (подлежащее *vaцасда* в локативе), *vaцасул вас вуго* «брат имеет сына» (подлежащее *vaцасул* в посессиве [6, с. 48].

Из примеров видно, что И.И. Мещанинов выделяет в аварском языке пять различных конструкций предложения и, соответственно, пять разных видов подлежащего – эргатив, номинатив, датив, локатив и посессив. Он исходит из того, что от семантики глагола-сказуемого зависит падеж подлежащего. Поэтому в аварском языке подлежащее оформляется разными падежными формами [6, с. 48-49].

Вышеуказанные падежные формы являются падежами субъектов действия, а не подлежащими, так как подлежащее и субъект представляют разные уровни в структуре предложения. Подлежащее и субъект действия в аварском языке могут совпадать только в номинативе.

Мы считаем, что указанные выше падежи являются падежами субъектов, а не подлежащими, так как подлежащее и субъект представляют разные уровни в структуре предложения. Подлежащее и субъект в аварском языке могут совпадать только в номинативе.

Суть эргативной конструкции заключается в том, чтобы определить роль и место подлежащего в предложении эргативной конструкции.

Исследователь синтаксиса аварского языка А.А. Бокарев выделяет следующие конструкции предложения:

1. *Эмен рокъове вуссана* «отец домой вернулся»
2. *Инсуца хур бекъана* «отец поле пахал»
3. *Инсуе жиндирго лъимер бокъула* «отец любит своего ребенка»
4. *Инсуда жиндирго вас вихъана* «отец увидел своего сына».

Таким образом, А.А. Бокарев определил четыре структурных типа предложений в аварском языке (номинативный, эргативный, дативный, локативный) [2, с. 13].

Структурные типы предложений, выделяемые А.А. Бокаревым и И.И. Мещаниновым, в целом совпадают. Они отличаются лишь тем, что в классификация предложений Мещанинова И.И. дополнена посессивной конструкцией [6, с. 48].

В непереходных конструкциях предложения аварского языка глагол-сказуемое координируется с подлежащим в классе и числе. Синтаксическая связь между глаголом-сказуемым и подлежащим взаимная: подлежащее в номинативе координируется с глаголом-сказуемым непереходной семантики в классе и числе, а глагол-сказуемое требует, чтобы при нем подлежащее было оформлено в номинативе.

Разумеется, что классно-числовая координация наблюдается только в том случае, если глагол-сказуемое имеет в своем составе показатели класса и числа. В тех

случаях, когда встречаются глаголы-сказуемые без показателей класса и числа, то синтаксическая связь подлежащего и глагола-сказуемого материально не выражается.

Например, в предложении переходной конструкции подлежащее оформляется именем в номинативе: *Вацас тIехь босана* «Брат купил книгу», где имя в номинативе *тIехь* координируется с префиксальным классно-числовым показателем глагола-сказуемого *б-осана*. Имя в эргативе *вацас* не имеет координации с глаголом-сказуемым. Поэтому имя в эргативе *вацас* является не главным членом предложения, а второстепенным. Подлежащим здесь является имя в номинативе *тIехь*, так как глагол-сказуемое *б-осана* координируется с ним в классе и числе.

Таким образом, сущность и своеобразие главных членов предложения в аварском языке можно определить на основании классно-числового спряжения глагола-сказуемого и субъектно-объектной координации сказуемого с подлежащим.

Исследователи аварского языка в состав главных членов предложения включают также прямое дополнение, так как в предложениях переходной семантики глагол-сказуемое грамматически и формально связан с прямым дополнением, а не с подлежащим, оформленным эргативным падежом.

Как известно, подлежащее является независимым членом предложения. Кроме того, подлежащее обладает предметным значением. Грамматическим средством подкрепления независимости подлежащего является координация с глаголом-сказуемым.

В аварском языке не представлена категория лица, поэтому субъектно-объектные имена координируются с глаголом-сказуемым только в классе и числе. В аварской грамматической традиции подлежащее и субъект действия рассматриваются как синонимы, поэтому прямое дополнение рассматривается как подлежащее.

Проблема эргативности заключается, как правило, в том, чтобы найти приемлемый способ анализа предложения языков эргативного строя по членам предложения, т.е. в необходимости ответить на вопрос: где подлежащее в предложении эргативной конструкции?

В аварском языке к числу главных членов предложения принято относить подлежащее, сказуемое и объект. В зависимости от категории переходности // непереходности глагола-сказуемого аварское предложение может иметь директивную и полидирективную конструкции. Два главных члена предложения – подлежащее и объект – выражаются именными частями речи: существительными, местоимениями разных разрядов, числительными и др.

Синтаксическая сущность главных членов предложения может быть определена лишь в рамках синтаксической корреляции. Подлежащее в аварском языке входит в предикативную основу, хотя не является носителем предикативности. Его участие в оформлении предикативной основы состоит в том, что оно координируется с глаголом-сказуемым в классе и числе.

Таким образом, классное спряжение глагола и субъектно-объектная координация выраженного им сказуемого с подлежащим и объектом являются важными грамматическими характеристиками аварского языка, на основании которых можно определить сущность и своеобразие главных членов предложения.

Известный синтаксист Л. Теньер отмечал, что подлежащее представляет собой лишь один из подтипов дополнения. отождествление подлежащего с дополнением в теньеровском синтаксисе основано на понятии управления (подчинения, зависимости), которое, однако, не имеет у Л. Теньера эксплицитного определения; неясно, в частности, соотношение семантических и формальных критериев при разграничении различных типов зависимости [8, с. 44].

Подлежащее – один из главных членов, входящих в состав предикативной основы предложения, связанный со сказуемым субъектно-объектными отношениями и обозначающий производителя действия или носителя состояния.

Какими же признаками характеризуются подлежащее и дополнение? Какие существуют критерии для их определения?

Прежде всего подлежащее – это независимый член предложения. От подлежащего в той или иной степени зависят другие члены предложения, но само подлежащее не подчиняется ни одному из них, а координируется со сказуемым. Однако подлежащим может быть не всякий независимый член предложения. Например, в предложениях *Бакъ баккана* «Солнце взошло» и *Эмен хехго цвана* «Отец быстро пришел» члены предложения *баккана* «взошло» и *хехго* «быстро» находятся каждое на независимом положении, но ни один из них не является подлежащим. Причиной является то, что указанные члены предложения не имеют предметного содержания. Следовательно, вторым признаком определения подлежащего является его предметное значение. Например, подлежащим является слово *mləx* в предложении *Vasac mləx bosana* «Мальчик купил книгу» [3, с. 43].

В число главных членов предложения большинством исследователей аварского языка включается прямое дополнение в номинативе на том основании, что в переходной конструкции глагол формально-грамматически связан с прямым дополнением, а не с подлежащим в эргативе.

Мы считаем, что член предложения, обладающий предметным значением, может считаться подлежащим лишь в том случае, если он имеет еще и статус синтаксической независимости и если эта независимость обозначена каким-либо самостоятельным грамматическим средством. Таким средством обозначения независимости подлежащего служит в аварском языке номинатив.

Специфические особенности именных членов аварского предложения определяются характером глагола. Глагол в аварском языке изменяется по классам и числам субъекта и объекта: при глаголах переходной семантики содержится морфологическое указание на объект действия в виде классно-числовых показателей, а при глаголах же непереходной семантики – на субъект.

Кроме того, разграничение подлежащего и дополнения можно осуществить с помощью логического анализа и постановкой вопросов.

Например, в предложении *Vasacda emen vixhāna* «Сын увидел отца» к слову *эмен* (номинатив) «отец» ставится вопрос *шив?* «кто?», а к другому именному члену предложения *vasacda* (локатив) «сын» – *льида?* «кто?» (букв. «кем?»). Следовательно, разные слова, имеющие разные падежные формы, отвечающие на разные вопросы и отличающиеся друг от друга классно-числовой координацией, не могут считаться одноуровневыми членами предложения. Здесь слово *эмен* является подлежащим, а слово *vasacda* – дополнением. Глагол-сказуемое переходной семантики *вихъана* своим префиксальным классно-числовым показателем координируется с подлежащим *эмен*. Подлежащее *эмен* и дополнение *vasacda* взаимно предполагают друг друга [5, с. 153].

Однако независимое положение и предметное значение сами по себе еще не составляют подлежащего. Здесь важна также морфолого-синтаксическая характеристика слова. В аварском языке в функции подлежащего выступает независимая, прямая форма имени, выраженная номинативом, с которым координируются классно-числовые показатели глагола-сказуемого. Например: *Insue bokūla glec* «Отец любит яблоко» (букв. «отцу любит яблоко»). Здесь префиксальный классно-числовой показатель глагола-сказуемого *б-* координируется с именем в номинативе *glec*, являющимся подлежащим. В аварском языке, как известно, нет категории лица, поэтому координация может идти лишь по линии класса и числа.

По установившейся традиции в авароведении подлежащее рассматривается как эквивалент субъекта действия. При этом подлежащим в аварском предложении указывается имя, не имеющее на то никаких оснований. И в результате в аварском предложении за подлежащее принимается дополнение. Настоящее подлежащее же традиционно рассматривается как «третий» главный член предложения – объект

(наряду с подлежащим и сказуемым). Такой подход в определении подлежащего является, на наш взгляд, более системным, целесообразным и логичным. «Чем последовательнее правила, тем легче нам их усвоить и понять; чем более ясными являются исходные принципы, тем меньше требуется нам правил для описания и тем заметнее уменьшается количество исключений» [1, с. 232].

Аварские именные члены предложения – подлежащее и дополнение – отличаются друг от друга своими морфологическими формами. Роль слова в предложении определяется, как правило, по его морфологическому оформлению. Каждый именной член предложения имеет специально приуроченный к нему падеж, который является его единственной формой выражения. Таким падежом для подлежащего аварского языка является номинатив. Падежными формами дополнения могут быть следующие: номинатив, эргатив, датив, посессив, локатив. Эти именные члены, каждый из которых характеризуется определенным семантическим своеобразием и обладает соответствующей падежной формой, обусловленной характером глагола-сказуемого, имеют одинаковый синтаксический статус – все они выполняют функции дополнения. Исходя из названий падежных форм этим дополнениям можно присвоить следующие наименования: номинативное дополнение, эргативное дополнение, дативное дополнение, посессивное дополнение и локативное дополнение. Ни подлежащее, ни дополнение другими падежами не обозначаются. Из сказанного следует, что подлежащее и дополнение характеризуются не только рядом общих признаков, но также некоторыми принципиальными различиями, основные из которых сводятся к следующему:

1) Подлежащее и сказуемое являются двумя взаимосвязанными и взаимообусловленными доминантами предложения. Координация сказуемого с подлежащим в числе и классе – это морфологически обусловленное соотношение двух главных членов предложения. Дополнение же не имеет никакой координации со сказуемым.

2) Подлежащее (при морфологически оформленной предикативной связи) может быть выражено лишь именной словоформой в номинативе, а дополнение оформляется лишь косвенными падежами.

3) Роль подлежащего отнюдь не исчерпывается тем, что оно является одним из элементов окружения сказуемого (наряду с различными типами «дополнений» и «сирконстантов»): подлежащее представляет собой «синтаксическую основу» предложения, его исходную позицию, к которой уже на втором этапе процесса порождения присоединяется сказуемое с его дополнениями и сирконстантами.

Именной член предложения, обозначаемый эргативом, несет свою синтаксическую функцию при глаголе-сказуемом переходной семантики: *Дос шииа бекана* «он разбил бутылку» (букв. «им бутылка разбита»). Имя в эргативе *дос* является дополнением. Здесь он совпадает с субъектом действия. А имя в номинативе *шииа* является подлежащим, так как с ним координируется префиксальный классно-числовой показатель глагола-сказуемого *б-*. Данный именной член (*шииа*) соответствует объекту действия.

Таким образом, первый актант, оформленный эргативом (*дос*), передает семантику агенса, а второй актант, оформленный номинативом – пациенса (*шииа*).

При глаголе-сказуемом же непереходной семантики именной член предложения, обозначенный номинативом, несет свою синтаксическую функцию подлежащего: *Шииа бекана* «бутылка разбилась». Здесь подлежащее и сказуемое образуют структурный и семантический минимум предложения. Имя в номинативе *шииа* является подлежащим, как и в трехчленном предложении *Дос шииа бекана*. А слово же *шииа* в двучленном предложении *Шииа бекана* является субъектом действия. Следовательно, актант в номинативе, координирующийся с префиксальным классно-числовым показателем глагола-сказуемого *б-*, характеризуется как агенс.

В аварском языке продолжает оставаться актуальным вопрос о том, как следует квалифицировать в синтаксическом плане те именные члены предложения, один из которых выражает субъект действия в эргативе, обозначенный переходным глаголом, а другой выражает объект действия в номинативе.

Дополнение, как правило, выделяется на основе его противопоставления подлежащему. Сторонники же логического направления в языкознании ставят знак равенства между дополнением и объектом действия и между подлежащим и субъектом. Поэтому во многих работах дополнение определяется как член предложения, который обозначает объект действия [4, с. 125].

Однако соотношения между дополнением и подлежащим, с одной стороны, и принимаемыми за их эквиваленты смысловыми объектом и субъектом, с другой, намного сложнее и многообразнее. Между дополнением и объектом, как и между подлежащим и субъектом, не наблюдается однозначного соответствия. Дополнение в аварском языке может обозначать только субъект, а не объект действия: *Вацас цулу къотлулеб буго* «Брат рубит дрова» (букв. «братом дрова рубимые есть»), где имя в эргативе *вацас* является дополнением, а имя в номинативе *цулу* – подлежащим.

Подлежащее и дополнение находятся в самых разнообразных отношениях с субъектом и объектом действия также и в русском языке. Так, например, если при действительном залоге глагола подлежащее выражает субъект действия, а дополнение – объект действия (*Рабочие строят дом*), то при страдательном залоге глагола подлежащее выражает объект действия, а дополнение – субъект действия (*Дом строится рабочими*). «Хотя грамматическая категория залога действительно формируется на основе отражения отношений действия к субъекту и объекту его, условием выделения того или иного залога является не только наличие специальной глагольной формы, указывающей на соответствующий тип отношения действия к субъекту и объекту его, но и некоторые другие грамматические признаки, а именно: тип соотношения подлежащего и дополнения с субъектом и объектом действия» [7, с. 211].

Различие между дополнением и подлежащим надо искать в области грамматики. Языковые факты показывают, что дополнение отличается от подлежащего прежде всего своим синтаксическим положением. Дополнение – это член предложения, который не имеет координации с глаголом-сказуемым, тогда как подлежащее всегда координируется с глаголом-сказуемым. Однако дополнением может быть не всякий член предложения, который не координируется с глаголом-сказуемым. Не координируются с последним и другие члены предложения. Дополнение отличается от других членов предложения (кроме подлежащего) тем, что обладает предметным значением. Дополнение сближается с подлежащим именно благодаря наличию предметного значения.

Исследование синтаксических свойств каждого из членов предложения открывает разные качества этих членов предложения, позволяет более глубоко проникнуть в структуру предложения.

Дополнение и подлежащее отличаются друг от друга не только синтаксическими взаимоотношениями с другими компонентами предложения, но и морфологическими особенностями своего выражения: дополнение выражается косвенными падежами (эргативом, дативом, посессивом, локативом), тогда как подлежащее выражается номинативом.

Главная граница в падежной парадигме именных актантов проходит между номинативом и другими косвенными падежами. На этом основании проводится противопоставление подлежащего дополнению, а иногда субъекта – объекту.

Таким образом, в аварском языке подлежащее и сказуемое являются главными членами предложения, между которыми существует классно-числовая координация. Прямое дополнение и подлежащее отличаются друг от друга морфологическими

характеристиками и синтаксическими функциями в предложении. Дополнение же характеризуется следующими признаками: а) координируется с глаголом-сказуемым, б) обладает предметным значением, в) выражается косвенными падежами. Подлежащее и дополнение представляют собой полярные друг другу синтаксические понятия.

1. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990. – 272 с.
2. Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 277 с.
3. Магомедов М.И. Дефиниция понятий «подлежащее» и «субъект» в аварском языке // Дагестанский лингвистический сборник. – М., 1995. – С. 39–44.
4. Магомедов М.И. Подлежащее и дополнение в аварском языке // Кавказский вестник. – № 2. – Тбилиси, 2000. – С. 124–127.
5. Магомедов М.И. Синтаксическая сущность главных членов предложения в аварском языке // Тезисы докладов региональной научной конференции молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям. – Махачкала, 1995. – С. 152–154.
6. Мещанинов И.И. Структура предложения. – М.-Л.: АН СССР, 1963. – 104 с.
7. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. – 230 с.
8. Tesnière L. Elements de syntaxe structurale. – Paris, 1966. – 670 p.

Молодцова Д.Д., Цамакаева С.А.

Прецедентность как переводческая проблема (на материале переводов медиатекстов)

*Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-02-2021-260

idsp: ljjournal-02-2021-260

Аннотация

Статья посвящена проблемам перевода прецедентных феноменов в текстах СМИ, которые являются неотъемлемой частью жизни людей в обществе и способом получения информации о происходящем вокруг. Авторы публицистических текстов прибегают к использованию прецедентных феноменов в своих работах с целью привлечения внимания потенциальных читателей. Однако, если новостной ресурс многоязычен, то появляется необходимость перевода прецедентных феноменов, сложность в работе с которыми проявляется не только в передаче денотата, но и коннотативного значения феномена.

Ключевые слова: прецедентный феномен, перевод, медиатекст, новостной ресурс, проблемы перевода

Abstract

The article is devoted to the problems of translating precedent phenomena in media texts, which are an integral part of people's lives in society and a way of obtaining information about what is happening around them. The authors of journalistic texts resort to the use of precedent phenomena in their works in order to attract the attention of potential readers. However, if the news resource is multilingual, then there is a need to translate precedent phenomena, the complexity of working with which is manifested not only in the transfer of the denotation, but also the connotative meaning of the phenomenon.

Key words: precedent phenomena, translation, media text, news resource, translation problems

Введение

Под прецедентом в лингвистике понимается «феномен первичного образца», представляемого для оценки и сопоставления, в целях его последующего